

Почему одесский климат, одесское южное солнце и черноморский бриз так способствуют рождению в этом городе талантливых и смелых детей, наука еще досконально не определила.

Как и почему борщ, приготовленный одесскими хозяйками, с красным перчиком на краю тарелки и натертой чесноком корочкой булочки-франгольки, приводит в восхищение флинтаров всего мира.

В городе Одессе в преддверии теплого сезона, когда еще даже не распустились почки, в одной интеллигентной семье / отец – врач, мать – домохозяйка / родился смелый и любознательный ребенок, мальчик, которого назвали Михаилом. Мать Миши, даже среди одесских мам, отличалась изысканностью приготовления разнообразных одесских блюд. Приготовленный ею украинский борщ с красным перчиком на краю тарелки и натертой чесноком корочкой булочки-франгольки своим запахом приводил в восторг и восхищение даже жителей соседних дворов.

В период Мишиного детства наш Понт Эвксинский, гостеприимное Черное море щедро одаривало жителей Одессы своими дарами – скумбрией и чирусом, глосиками и камбалой, а лиманами – рачками и раками. Плодородная одесская земля в большом достатке рождала синенькие /баклажаны/, знаменитые, ныне исчезнувшие фонтанские помидоры, зеленые и красные перцы. Мороженая рыба напрочь игнорировалась, а бычков брали преимущественно для кошек.

Каждая одесская мама ни на секунду не сомневалась, что именно ее сын – самый талантливый, и что музыкальные способности ее мальчика гораздо выше, чем у этих всех вместе взятых Ойстрахов, Менухиных, Гилельсов. И поэтому с маниакальным упорством они тащили за руки своих детей во всемирно известную музыкальную школу имени Столярского, где этот талантливый педагог, обладающий потрясающим чувством юмора, лично проверял детей «на слух» и мужественно переносил «вселенский плач» недовольных его приговором мамаш. Каждый скандал, диалог между смертельно обиженной одесской мамой и великим учителем, достоин пера романиста.

С такой же маниакальной настойчивостью одесские мамы стремились закармливать своих детей наваристым жирным бульоном с обязательной куриной ножкой и потрошками.

Наши мамы ежедневно с самого раннего детства и до зрелого возраста вскармливали своих чад этим блюдом, вероятно, под воздействием тысячелетних преданий великих старцев (ныне это доказано научными изысканиями). Они не подозревали, что способствуют тем самым не только физическому возмужанию, но и раннему половому созреванию. Так что к 15 годам они проявляли большой интерес к противоположному полу и способности в демонстрации мужской силы, чем радовали своих соседок всех возрастов.

Мишина мама была гораздо прозорливее. Она поняла, что из сына не получится второй Ойстрах, и, разглядев в нем непреодолимое стремление к познанию гуманитарных ценностей, поощряла и всячески содействовала этому. Человеком, который также был способен заинтересовать пытливого и, безусловно, талантливого юношу, был его школьный учитель русского языка и литературы. Этот человек, которого Миша часто вспоминал с теплотой и любовью.

Его красноречие и глубокие познания в области русской и зарубежной классики погружали слушателей в прекрасный и неизведанный мир. Он умел выкристаллизовать все благородное и достойное восхищения в жизни и творчестве гигантов мысли.

У рожденных в 1934 году практически не было нормального детства, а это знаю не понаслышке. Проклятая война, разруха, холод, недоедание, временами чувство голода. Злые неразговорчивые люди, озлобленность и хамство.

Миша все это познал с лихвой. Но учитель русской литературы, признавший в нем своего любимого ученика, не только отдавал ему свои знания – он учил его искать и познавать Прекрасное. Миша всерьез увлекся чтением и подолгу, порой ночами напролет зачитывался, вникал в божественный смысл прочитанного. Особенно внимательному чтению подверглись произведения Чехова, Достоевского, Толстого. Без особого внимания не остались Салтыков-Щедрин, Бабель, Пастернак, Зощенко, Катаев, Ильф и Петров. С Чеховым Миша не расставался никогда.

Александр Назаренко По волнам моей памяти...

Пишу о Мише, а в памяти всплывают яркие картинки собственного детства. За год до начала войны я целое лето провел под Одессой, там, где сейчас 411-я батарея. В самом низу обрыва у всегда пустующего пляжа было маленькое пустующее «стойбище» с несколькими ветхими, доступными всем ветрам курениями из грубо сколоченных досок. Рядом на длинных шестах, вкопанных в песок, колыхались рыбацкие сети. Этот хуторок, прилепленный к обрыву, напоминал мне ласточкино гнездо. Там стояла старая, давно отработавшая свой век шалаанда, которую ежедневно конопатил вечно сварливый дядя Вася, вливая кипящую смолу в пазы между рассохшимися досками обшивки. А рядом на костре в большом закопченном чугуном казане на металлической треноге баба Феня готовила уху из барабульки и других пород рыб. Потом юшка сливалась в большую миску, рыбное месиво выбрасывалось, и начиналось все сначала, только вместо воды баба Феня заливала в казан юшку.

Знаменитый французский суп «буябэ» известен на весь мир только потому, что эти знатоки не пробовали уху бабы Фени. На «второе» баба Феня обычно готовила на греце (подобие примуса) камбалу, глосиков, скумбрию, бычков-кнутов, жаренных в оливковом масле. Весь улов рыбаки продавали жителям близлежащих сел, или обменивали на овощи, фрукты и хлеб. А как баба Феня готовила синенькие и перцы!

Прошло уже 80 лет, а я до сих пор помню запахи ухи, жареной рыбы, коптящейся скумбрии, просыхающих рыбацких сетей, кипящей смолы, морских водорос-

лей, выброшенных на берег прибоем и нагретых черноморским солнцем. И все это вкуче с солоноватым йодистым ветром с моря и «степняком», наполненным запахом бурьяна, полыни и ковыля...

«Фонтанскую» воду на хуторок ставляли в деревянной бочке, крепившейся к повозке, которую везла старая кляча, управляемая дядей Ледей.

Бронзовый от загара, я с рассвета до заката барахтался в пене морского прибоя под присмотром двоюродного брата отца, тромбониста оркестра Одесской филармонии дяди Жоры. Там же вскоре научился нырять и плавать. Родители приезжали дважды в месяц, а я, боясь, что меня заберут домой, уплывал «на глубину».

Через 30 лет примерно на том же месте у самого обрыва я купил себе маленький домик. Рельеф берега за это время изменился. Море медленно, но упорно продолжает наступать, образуя оползни. Подходы к обрыву оказались плотно застроенными добротными домами. Сам обрыв выглядел более пологим, пляж сузился.

Побережье вдоль обрыва до Сухого лимана стало застраиваться, появились поселки в сторону когда-то открытой степи. «Степняк» больше не проникал к обрыву, где его безнадежно караулил морской бриз.

Остается только сожалеть, что к берегам одесского залива больше не приходят косяки скумбрии и чируса.

Как и все мальчишки, рожденные в Одессе, особенно в довоенные годы, однажды увидев Черное море, полюбил его навсегда и решил посвятить ему жизнь. Читатели, вспомните пожалуйста песню нашего прославленного земляка:

«Тот, кто рожден был у моря,
Тот полюбил навсегда,
Белые мачты на рейде,
В дымке морской города...».

Однако мудрые родители разъяснили Мише, что это невозможно, потому что он – лицо еврейской национальности». Миша

не поверил родным, но в приемной Высшего инженерного мореходного училища ему отказали именно из-за пятой графы. Это был первый в его жизни нанесенный властью удар, неизлечимая душевная травма.

Миша «оклемался» и, как поступают в таких случаях одесские юноши, стал искать все возможные «левые» способы, чтобы обойти это препятствие. Нацелился на Среднее мореходное училище на Свердловку (Канатной). Но опытные моряки разъяснили наивному парню, что даже если он поступит и окончит среднюю мореходку, диплом ему выдадут такой, что плавать он сможет лишь на судах каботажного плавания, то есть между портами Черного моря. А если не поступит заочно в высшую мореходку, то никогда не пройдет траверс мыса Матапан в Греции и не получит диплом капитана дальнего плавания. Но туда его не примут, все по той же причине.

Я хорошо понимал переживания Миши, не понаслышке. В приемной комиссии в средней мореходке у меня отказались принять документы только за то, что я три с половиной года находился в оккупации в Одессе. А мне было в то время шесть лет от роду... Я ясно помню, как шел вдоль аллеи Александровского парка, параллельно родной Маразливской. Я шел и от несправедливости, с которой столкнулся, плакал навзрыд, избегая встретить знакомых. Плакал и вспоминал страшные годы оккупации, которые мне пришлось пережить, пока нас не освободила Красная Армия 10 апреля 1944 года. В тот голодный период ребенком я продавал газеты, иногда воровал, но только, чтобы нам всем не умереть с голоду. Я, как и Миша, десятки раз спрашивал себя: за что? Кто дал право с нами так поступать? Логичного объяснения циничности советских бюрократов мы не находили, но духом не падали. Вопреки всем препонам и всем недоброжелателям нам с Мишей удалось получить высшее образование.

Главную роль в становлении Жванецкого как литератора, писателя-сатирика сыграл, конечно, его врожденный талант, жажда познания, его трудолюбие и ум, исключительная наблюдательность, способность схватывать суть поведения, улавливать характер. У него была уникальная способность в короткой, в несколько слов, емкой фразе передать то, но что другим потребовались десятки страниц, и донести до слушателя так, как никто другой.

Миша уже был узнаваем в литературной и артистической среде, когда его заметил Аркадий Райкин и пригласил в Ленинград. Конечно, он был счастлив, уволился с работы в морском порту и пошел в Северную столицу, справедливо считая, что великий артист разглядит в нем настоящего, талантливого Мастера и найдет ему соответствующую должность. Но не тут-то было. Миниатюры Жванецкого, действительно, воздвигались на зритель, как взрывающиеся петарды, принося исполнителю огромный успех.

Но, пользуясь трудами Мишиного писателя, декламируя его острую и злободневную сатиру, Аркадий Райкин и не думал приближать его к себе. Артист демонстративно дистанцировался, определив одесскую сатирику место подмастерья, который должен довольствоваться уже тем, что его произведениями развлекает публику великий артист. Это был «удар ниже пояса». Земляки Миши Рома Карцев и Витя Ильченко, уже работавшие в театре и наблюдавшие за происходящим, были возмущены и обижены за друга. Хорошо зная себе цену, в конце концов, все трое решили вернуться в Одессу и создать на родине Театр юморы и сатиры, почему-то полагая, что их идея будет принята местными партийными властями на «ура». Этот поступок настоящих друзей Жванецкий будет помнить всегда.

По прибытию в Одессу Виктор Ильченко общим голосованием был избран официальным представителем с правом общения и переписки с властями. Разместившись на постой у родителей и там же столуясь, троица еще долгие семь лет обивала пороги райкома, обкома и прочих «комов». Но орга-

низовать концерты, которые бы приносили заработок, им не разрешали. Поощрялись лишь благотворительные выступления, то есть «на халяву». Немало пришлось хлебнуть – унижений, издевательских улыбок и советов, лживых обещаний.

Порой друзья впадали в глубокую депрессию. Общаться в Киев и выше без серьезной поддержки Одесского обкома было бесполезно. Самый действенный способ тогда был «работать печенью», наливать и накрывать ответственным работникам и за теплыми беседами излагать свою просьбу. Но на этот способ у наших артистов не было ни физических способностей, ни материальных средств.

Владимир Высоцкий однажды изрек: «Улыбаясь, они ломали мне крылья». Эта всеобъемлющая характеристика характеризует отношение «диктаторов от пролетариата» к той части творческой интеллигенции, которая выбрала путь «жить не по лжи». Этот «дамоклов меч», как и Высоцкий, в полной мере испытал на себе и Жванецкий.

В узком кругу друзей Роман и Виктор иногда инсценировали диалоги с начальством, доводя слушателей до колик от смеха. Так, в салоне капитана при закрытых дверях они «на бис» несколько раз спелу встречи с заводделом по культуре обкома партии. Этот бывший майор-артиллерист с большой устойчивостью к алкоголю, принял их, сидя и не поздоровавшись, после некоторого молчания, не поднимая головы, хмуро спросил: «Чего пришли?»

Пользуясь природным даром красноречия, Ильченко стал рисовать ему радостные картины благотворного влияния на одесских сатирического театра. Но ответственный за культуру обкомовец начал багроветь от злости, а потом упершись взглядом разъяренного быка и ткнув указательным пальцем в сторону Михаила, прорычал: «Еврей!». Михаил в позе декламирующего Пушкина, горделиво вздернув подбородок, с пафосом ответил: «Конечно!». Затем партийный перевод указательный палец на Романа и повторил вопрос: «Еврей!». Рома, втянув голову в плечи и пытаясь заслониться Мишей, испуганно ответил: «Да, а шо такое?». Выяснив, что третий проситель – украинец, бывший майор-артиллерист хмыкнул и разочарованно произнес: «Так, вы артисты?». И добавил гневно: «Да была б моя воля, я б вам лопаты в руки – да на стройку народного хозяйства! Как же, грузчики одесского порта! Тоже мне, представители класса-гегемона! Мало им театров в городе, им еще оперетту подавай! В ЦК жалобу написали, сволочи!»

И к Виктору – уже более миролюбиво: «Ты останься, а они пусть идут. В армии служил? Ты – статный парень, хочешь в Оперу? А я сейчас позвоню, будешь там прилично выглядеть?».

Я запомнил эту разыгранную в капитанском салоне сцену на всю жизнь.

Как тут было им встречаться с публичной, проводить встречи, продолжать выступления...

Но случилось так, что ЧМП предложило нашим героям свои услуги. Мне, вновь назначенному капитану пассажирского лайнера «Шота Руставели» отдал приказ свыше в течение пяти лет три летних месяца обслуживать только советских туристов в пределах Черного моря. Управление пассажирских перевозок, да и я не были в восторге от такого приказа. Ведь у нас были долгосрочные предложения от зарубежных турфирм на летние месяцы. Но делать было нечего, и мы взялись за подготовку судна и экипажа.

**Продолжение
в следующем номере**